

Сапожникова М.А.

Адаптация и психометрическая проверка
русскоязычной версии шкалы
Investment Model Scale К. Русбалт

Sapozhnikova M.A.

Adaptation and Psychometric Validation
of the Russian Version
of the Investment Model Scale of Caryl Rusbult

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

В отечественной психологии наблюдается дефицит валидизированных инструментов для комплексной оценки приверженности в отношениях. Существующие методики преимущественно фокусируются на удовлетворенности, игнорируя такие критические факторы устойчивости союза, как накопленные инвестиции и субъективное качество альтернатив, заложенные в инвестиционной модели К. Русбалт.

Целью данной статьи является описание адаптации и психометрической проверки русскоязычной версии методики «The Investment Model Scale» (IMS) на российской выборке.

В исследовании принял участие 421 респондент в возрасте от 18 до 66 лет, все опрошенные состоят в романтических отношениях различной формы (брак, сожительство и др.) и длительности. Процедура адаптации включала прямой и обратный перевод, а также серию когнитивных интервью. Психометрический анализ проводился с использованием коэффициента α Кронбаха, конфирматорного факторного анализа (CFA) и множественной линейной регрессии.

Конфирматорный факторный анализ подтвердил четырехфакторную структуру опросника (удовлетворенность, инвестиции, качество альтернатив, приверженность). Наилучшие показатели соответствия оказались у модели, исключающей аспектные пункты и базирующейся на глобальных индикаторах (CFI = 0,913; TLI = 0,901; SRMR = 0,068). Субшкалы продемонстрировали высокую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,885\text{--}0,969$). Прогностическая валидность подтверждена способностью модели объяснять 55% дисперсии приверженности ($R^2 = 0,55$). В ходе когнитивных интервью было уточнено содержание конструкта «качество альтернатив» с учетом социокультурной специфики.

Адаптированная русскоязычная версия Investment Model Scale является надежным и валидным психологическим инструментом. Она может быть ре-

комендована для применения в академических исследованиях стабильности пар, а также в практике семейного консультирования для диагностики ресурсов и рисков распада отношений в российском контексте.

Ключевые слова: романтические отношения, инвестиционная модель, приверженность отношениям, удовлетворенность отношениями, инвестиции в отношения, психометрическая адаптация

Для цитирования: Сапожникова, М.А. Адаптация и психометрическая проверка русскоязычной версии шкалы Investment Model Scale К. Русбалт // Новые психологические исследования. 2026. № 3. С. 115–134. DOI: 10.51217/npysyresearch_2026_06_03_06

Введение

В современной психологии и социологии устойчивость близких отношений рассматривается как один из ключевых факторов долгосрочного благополучия партнеров. Социальные изменения, трансформация института брака и усиление индивидуализации приводят к пересмотру традиционных представлений о стабильности союзов и актуализируют изучение механизмов, поддерживающих продолжительные отношения (Cherlin, 2004). Исследования показывают, что центральную роль в сохранении партнерства играет приверженность (commitment), определяющая готовность человека продолжать отношения даже при возникновении трудностей (Brickman et al., 1987; Kelley, 1983). Одной из наиболее разработанных теоретических рамок для объяснения данного феномена является инвестиционная модель К. Русбалт, созданная в русле теории взаимозависимости.

Согласно инвестиционной модели устойчивость отношений определяется не только удовлетворенностью партнером, но прежде всего уровнем приверженности (commitment). Приверженность формируется под влиянием трех компонентов: удовлетворенности отношениями, качества доступных альтернатив и объема инвестиций – ресурсов, вложенных в отношения и теряемых при их разрыве (Rusbult, 1980; Rusbult et al., 1998). Более высокий уровень приверженности связан с большей устойчивостью союза и снижает вероятность разрыва даже при возникновении трудностей (Arriaga, Agnew, 2001). Кроме того, приверженность рассматривается как один из основных мотивационных факторов поддержания близких отношений наряду со стремлением к близости и общими ценностями (Auger, 2017). Дальнейшее развитие инвестиционная модель получила в рамках равновесного подхода к отношениям (Murray et al., 2015). В этой модели приверженность рассматривается как динамический показатель, ко-

торый партнеры способны поддерживать и регулировать для сохранения союза. Снижение удовлетворенности или приверженности по сравнению с субъективной «референтной точкой» повышает вероятность разрыва, тогда как механизмы поддержания приверженности способствуют устойчивости отношений.

Несмотря на высокую эмпирическую подтвержденность Investment Model Scale на западных выборках, её прямое применение в российском социокультурном контексте может быть затруднено. Решения о сохранении или прекращении отношений здесь нередко определяются не только индивидуальной удовлетворенностью, но и более широкими социальными и экономическими обстоятельствами. Культурные нормы, гендерные роли, участие расширенной семьи, а также материальные факторы, включая жилищные условия и распределение ресурсов, существенно влияют на восприятие партнерства и вложений в него (Андреева, 2004).

Отечественные исследования показывают, что брак и длительные отношения часто рассматриваются как источник социальной и материальной стабильности, а их разрыв связан с потерей не только партнера, но и системы поддержки (Лежнина, 2013; Бараш, 2025; Петрова, 2025). В отличие от западных исследований, где акцент делается на индивидуальной автономии и личном выборе, российский контекст в большей степени характеризуется ориентацией на взаимозависимость и коллективные обязательства (Dion, 2005). В таких условиях «вложения в отношения» подразумевают не только личные ресурсы, но и социальные связи, семейную репутацию и совместную инфраструктуру, что делает конструкт «инвестиций» более сложным и многомерным.

Научная новизна работы заключается в адаптации и валидации русскоязычной версии шкалы К. Русбалт. Представлены данные о её психометрических характеристиках, включая результаты confirmatorного факторного анализа на российской выборке ($n = 421$). Полученные результаты подтверждают структурную валидность методики и позволяют рекомендовать её для дальнейших исследований приверженности и устойчивости романтических отношений в российском контексте.

Таким образом, *научная проблема* исследования заключается в существенном разрыве между мировой практикой использования инвестиционной модели и её слабой представленностью в российском исследовательском поле. Основная сложность состоит в том, что зарубежные инструменты не учитывают специфику российского контекста, где решения о сохранении союза часто зависят от внешних

факторов и коллективных обязательств в большей степени, чем от личного выбора. Отсутствие валидизированной русскоязычной версии шкалы IMS не позволяет в полной мере изучить эти механизмы. В связи с этим возникает необходимость в проведении психометрической адаптации методики, которая позволила бы комплексно оценить удовлетворенность, инвестиции и альтернативы как предикторы приверженности у российских пар.

Теоретический анализ

Исходной точкой анализа выступает теория взаимозависимости Дж. Тибо и Г. Келли (Thibaut, Kelley, 1959), где ключевым конструктом является зависимость человека от отношений. Она определяется двумя параметрами: уровнем удовлетворенности (соотношением поощрений и затрат) и качеством альтернатив. Под альтернативами понимаются возможности удовлетворения значимых потребностей – в поддержке, близости и других ресурсах – вне текущего союза. Соответственно, зависимость от отношений усиливается при высокой удовлетворенности ими и снижается при наличии доступных им альтернатив.

Инвестиционная модель К. Русбалт расширяет теорию взаимозависимости, вводя третий компонент – инвестиции (полная модель представлена на рис. 1). Под инвестициями имеются в виду ресурсы, вложенные в отношения и утрачиваемые при их прекращении (Becker, 1960; Rubin, Brockner, 1980). Дальнейшие исследования показали, что сочетание удовлетворенности, качества альтернатив и инвестиций формирует приверженность (commitment) – устойчивое психологическое состояние, отражающее стремление сохранить союз и продолжать отношения (Agnew et al., 1998). Таким образом, приверженность рассматривается как ключевой показатель устойчивости партнерства.

Теоретическое обоснование понятия инвестиций опирается на идеи Г. Беккера (Becker, 1960) о «побочных ставках» (side bets) – внешних вложениях, которые теряются при изменении выбранного направления действий и тем самым повышают вероятность сохранения обязательств. Близкий подход предложил Г. Левинджер (Levinger, 1965), различавший силы приверженности отношениям и барьеры для выхода из них. Интегрируя эти положения, Русбалт интерпретирует инвестиции как совокупность внутренних и внешних ресурсов, которые затрудняют разрыв отношений и могут быть эмпирически измерены.

Рис. 1. Инвестиционная модель приверженности К. Русбалт

Наконец, фактор качества альтернатив (comparison level for alternatives, CLalt) рассматривается в контексте работ Дж. Блау (Blau, 1967) по теории социального обмена. Русбалт развивает этот подход, показывая, что человек склонен сохранять отношения до тех пор, пока они обеспечивают более благоприятный исход по сравнению с альтернативами. Таким образом, инвестиционная модель объединяет положения теории взаимозависимости, концепцию «побочных ставок» и представления о барьерах для выхода, формируя целостную систему факторов, объясняющих устойчивость романтических отношений.

Современный статус инвестиционной модели подтверждается масштабным мета-анализом (Tran et al., 2019), охватившим данные более 50 000 респондентов. Исследователи доказали, что даже в условиях трансформации институтов брака и дейтинга в 2020-х годах триада предикторов Русбалт сохраняет свою прогностическую мощь. Согласно их данным, удовлетворенность остается наиболее сильным фактором приверженности ($r = 0,65$), однако именно инвестиции ($r = 0,53$) и качество альтернатив ($r = -0,44$) объясняют стабильность отношений в периоды кризисов в паре.

Сходные закономерности обнаруживаются и в специфических выборках. Исследования асексуальных и аромантических партнеров (Edge et al., 2022; Brozowski et al., 2022; Ma et al., 2024) показывают более низкие средние уровни удовлетворенности, инвестиций и приверженности при более высоком качестве альтернатив, однако базовая триада предикторов сохраняет прогностическую значимость. Дополнительно отмечается роль индивидуальных факторов, в част-

ности, типа привязанности, а также меньшая дифференцированность переживаний удовлетворенности и приверженности в этих группах.

Дополнительным фактором, влияющим на восприятие доступности альтернатив, может выступать субъективная оценка собственной привлекательности. Исследования показывают, что люди, высоко оценивающие свою внешность, чаще замечают потенциальные романтические альтернативы и проявляют к ним больший интерес (McNulty et al., 2008; Ma-Kellams et al., 2017), что может быть связано со снижением приверженности текущим отношениям, особенно при низкой удовлетворенности. Вместе с тем данные диадных исследований уточняют этот вывод: самооценка привлекательности не связана напрямую с собственной приверженностью, однако более высокая оценка своей привлекательности одним из партнеров ассоциируется со снижением приверженности у другого (Avilés et al., 2021). Таким образом, влияние привлекательности проявляется не только на индивидуальном, но и на межличностном уровне.

Отдельным направлением развития модели стало её применение для изучения людей, не состоящих в отношениях. В ряде исследований (Girme et al., 2022) показано, что приверженность статусу одиночества регулируется теми же механизмами: она положительно связана с удовлетворенностью одиночеством и инвестициями в него и отрицательно – с качеством альтернатив (потенциальных отношений). Прогностическое значение имеют также ожидаемая удовлетворенность и планируемые инвестиции, тогда как субъективные социальные нормы не демонстрируют существенного влияния на приверженность этому статусу (Beauparlant, 2023).

Характеристика выборки

В исследовании принял участие 421 респондент (66% женщин, 34% мужчин). Критерием включения являлось наличие текущих романтических отношений. На момент опроса 67% участников состояли в официальном браке, 19% проживали в незарегистрированном сожительстве, остальные поддерживали иные формы партнерских отношений. Длительность отношений распределялась следующим образом: 33% – от 10 до 20 лет, 20% – от 1 до 3 лет, по 5% – менее одного года и более 30 лет; остальные интервалы (4–6, 7–9 и 20–30 лет) представлены приблизительно равными долями (около 13% каждый). Для 48% респондентов текущие отношения являются первыми, 20% ранее имели опыт соительства без регистрации брака, 25% состояли в браке, остальные указали иные варианты. Наибольшая доля участни-

ков относится к возрастной группе 36–45 лет (35%); 26–35 лет – 20%, 46–55 лет – 19%, 18–25 лет – 17%, 56–65 лет – 9%, старше 66 лет – менее 1%. Большинство респондентов имеют высшее образование, заняты по найму и характеризуют свой уровень дохода как средний; по религиозной принадлежности преобладают православные или нерелигиозные участники.

Методы и материалы

Основным инструментом исследования являлась шкала The Investment Model Scale (Rusbult, 1998). Опросник включает четыре субшкалы: удовлетворенность отношениями (10 пунктов), качество альтернатив (10 пунктов), инвестиции (10 пунктов) и приверженность (7 пунктов).

Адаптация методики для российской выборки осуществлялась посредством процедуры прямого и обратного перевода. Отдельные формулировки были уточнены для их большей ясности, в частности, дано пояснение к понятию «альтернативы», поскольку в русскоязычном контексте его содержание может интерпретироваться уже, чем в оригинальной версии. Все пункты оценивались по 9-балльной шкале Лайкерта (от «абсолютно не согласен» до «полностью согласен»).

Полная версия опросника содержит 37 пунктов, из которых 22 относятся к обобщенным (global items), а 15 – к аспектным (facet items). Аспектные пункты направлены на оценку конкретных сторон взаимодействия и могут использоваться для уточнения содержания конструкторов. Согласно рекомендациям авторов методики, их включение в анализ факторной структуры не является обязательным.

Процедура исследования

Сбор данных осуществлялся в 2025 году с использованием онлайн-платформы anketolog.ru. Участие респондентов было добровольным и анонимным. Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета Jamovi и включала оценку надежности шкал (коэффициент альфа Кронбаха), а также конфирматорный и регрессионный анализ.

Психометрическая проверка, проведенная авторами в трех независимых исследованиях, подтвердила высокую внутреннюю согласованность шкал, данные представлены в табл. 1. Процедура валидации показала, что глобальные пункты обладают высокой факторной чистотой и не смешиваются между собой при статистической обработке. Оценка утверждений осуществлялась по 9-балльной шкале Лайкерта

(от 0 до 8), что обеспечивало высокую вариативность ответов и повышало чувствительность измерений. Такой формат шкалы позволяет более точно фиксировать индивидуальные различия респондентов и обеспечивает корректность применения методов факторного анализа. Таким образом, оригинальная методика представляет собой иерархически организованный инструмент, сочетающий детализированное измерение компонентов отношений с высокой внутренней согласованностью и надежностью итоговых показателей.

Таблица 1. Показатели внутренней согласованности шкал

Шкала	Альфа Кронбаха
Шкала инвестиций	0,885
Шкала качества альтернатив	0,899
Шкала удовлетворенности отношениями	0,969
Шкала приверженности	0,886
Общая надежность	0,947

Полученные значения коэффициента альфа Кронбаха (0,885–0,969) свидетельствуют о высокой внутренней согласованности субшкал инвестиционной модели и подтверждают их пригодность для использования в исследовании.

Адаптация опросника осуществлялась поэтапно с применением процедуры двойного перевода и когнитивного интервьюирования. На первом этапе оригинальная англоязычная версия методики была переведена на русский язык с сохранением структуры субшкал и формата ответов. На втором этапе независимые специалисты с лингвистическим образованием, свободно владеющие английским языком, выполнили обратный перевод русскоязычной версии. Выявленные расхождения между оригинальными и обратными формулировками обсуждались экспертной группой и использовались для уточнения и семантической корректировки пунктов, прежде всего в разделах, связанных с переживаниями близости, приверженности и инвестиций.

На заключительном этапе были проведены когнитивные интервью с 12 респондентами. Участникам предлагалось пояснить, как они понимают каждое утверждение и какие смыслы в него вкладывают. По результатам интервью были доработаны формулировки, вызывавшие затруднения, двусмысленность или культурно-специфические интерпретации, что способствовало повышению содержательной валидности и ясности адаптированной версии шкалы. Примеры изменений представлены в табл. 2.

Таблица 2. Примеры суждений с прямым переводом, обратным переводом и конечное суждение после когнитивного интервью

	Оригинал	Прямой перевод	Обратный перевод	Конечное суждение после интервью
Commitment level Уровень приверженности	1. I want our relationship to last for a very long time.	Я хочу, чтобы наши отношения длились очень долго.	I want our relationship to last a long time.	Я хочу, чтобы наши отношения длились очень долго.
	7. I am oriented toward the long-term future of my relationship (for example, I imagine being with my partner several years from now).	Я настроен(а) на долгосрочные отношения с партнером (например, представляю нас вместе через несколько лет).	I intend to have long-lasting relationship with the partner (for example, I imagine us together in several years)	Я ориентирован(а) на долгосрочное будущее наших отношений (например, представляю нас вместе через несколько лет).
Investment size Размер инвестиций	I have invested a great deal of time in our relationship	Наши отношениям я посвятил(а) значительную часть своего времени.	I dedicate most of the time to our relationship	Я вкладываю(а) много сил и времени в наши отношения.
	5. Compared to other people I know, I have invested a great deal in my relationship with my partner.	Я вкладываю(а) в наши отношения гораздо больше, чем другие люди, которых я знаю.	I've put much more into our relationship than other people I know have put into theirs.	По сравнению с теми, кого я знаю, я вкладываю в отношения с партнером значительно больше усилий/времени/ресурсов.
Alternatives Качество альтернатив (quality of alternatives).	My needs for intimacy (sharing personal thoughts, secrets, etc.) could be fulfilled in alternative relationships	Я способен(на) реализовать свои потребности в личной близости и открытости с другими людьми.	I am able to fulfill my needs for personal closeness and openness with other people.	Я могу получать душевную близость (делиться сокровенным, секретами и т.д.) не только от партнера (him).
	5. My Needs For Intimacy, companionship, etc., could easily be fulfilled in an alternative relationship.	Я чувствую, что легко мог(ла) бы найти всё важное для меня (близость, поддержку, общение) в других отношениях.	I feel that I could easily find everything important to me (closeness, support, communication) in other relationships.	Я вполне могу удовлетворить свои потребности в близости, общении, поддержке и так далее, и с другими людьми (помимо партнера(him)).
Satisfaction level Уровень удовлетворенности	My partner fulfills my needs for intimacy (sharing personal thoughts, secrets, etc.)	Я чувствую, что мои потребности в личной близости и открытости реализуются в этих отношениях.	I feel that my needs for personal closeness and openness are being met in this relationship.	Моя вторая половина удовлетворяет мои потребности в душевной близости (например, в возможности делиться мыслями и секретами).
	5. Our relationship does a good job of fulfilling needs for intimacy, companionship, etc.	Наши отношения помогают мне получать то, что я хочу в плане близости и совместных занятий.	Our relationship helps me get what I want in terms of closeness and shared activities.	Наши отношения хорошо удовлетворяют мои потребности в близости, общении и т.д.

Наибольшие трудности адаптации возникли при переводе раздела «качество альтернатив». В оригинальной версии шкалы данный блок не сопровождался дополнительными инструкциями, однако в русскоязычном варианте было введено уточнение о том, что под альтернативами понимаются не только потенциальные романтические партнеры, но и друзья, близкие и другие значимые лица, способные выступать источниками эмоциональной поддержки и удовлетворения потребностей. Подобное расширенное понимание соответствует теоретическим положениям К. Русбалт. В ряде утверждений также были добавлены формулировки «помимо партнера» и «кроме партнера(-ши)», поскольку буквальный перевод выражения *alternative relationship* мог сужать смысл до романтической замены партнера и тем самым искажать исходную концепцию.

Следующим этапом исследования стал сбор эмпирических данных. В ходе апробации методики на первом этапе было проведено пилотажное исследование, позволившее уточнить формулировки пунктов (выборка составила 100 человек). Основной этап анализа проводился на выборке из 421 *респондента*. В оригинальной логике авторов аспектные пункты (*facet items*) рассматриваются как вспомогательный слой, «подготавливающий» респондента к обобщенным оценкам. Однако, как показал статистический анализ, включение этих пунктов в структуру модели приводит к избыточному «шуму» и снижению индексов подгонки.

Результаты

При сопоставлении нескольких вариантов структуры наилучшие показатели продемонстрировала четырехфакторная модель без аспектных пунктов, состоящая только из глобальных индикаторов. В отличие от первичных пилотажных данных, на расширенной выборке эта модель показала высокую устойчивость и соответствие теоретической структуре К. Русбалт. Основные индексы соответствия достигли целевых значений: CFI = 0,913 и TLI = 0,901, что свидетельствует о хорошем качестве модели. Показатель RMSEA составил 0,087, а стандартизированный корень среднеквадратичного остатка SRMR зафиксирован на уровне 0,068, что укладывается в границы общепринятых норм для психологических конструкторов (см. табл. 3).

Сопоставление с альтернативными решениями (полная модель с *facet-items* или трехфакторная структура) подтвердило преимущество выбранного варианта: полная модель характеризовалась значимым снижением CFI до 0,863. Таким образом, адаптированная четырех-

факторная версия шкалы, основанная на глобальных индикаторах, демонстрирует высокую надежность и структурную валидность и может быть рекомендована для использования в российском исследовательском контексте.

Таблица 3. Индексы соответствия факторных моделей русскоязычной версии IMS данным CFA

	χ^2	df	p	CFI	TLI	RMSEA	SRMR
Четырехфакторная	2470	623	< ,001	0,863	0,853	0,0839	0,0854
Четырехфакторная без facet items	846	203	< ,001	0,913	0,901	0,0867	0,0685

Для проверки прогностической валидности адаптированной версии методики была проведена множественная линейная регрессия, в которой показатели удовлетворённости отношениями, размера инвестиций и качества альтернатив выступали предикторами приверженности партнёру. Построенная модель оказалась статистически значимой и объясняла 55% дисперсии приверженности ($R^2 = 0,55$), что свидетельствует о высокой объяснительной способности шкалы. Наибольший вклад в предсказание приверженности вносила удовлетворённость отношениями ($\beta = 0,48$), далее следовали инвестиции ($\beta = 0,29$). Качество альтернатив демонстрировало слабую отрицательную связь с приверженностью ($\beta = -0,06$). Полученный профиль коэффициентов соответствует теоретическим положениям инвестиционной модели и результатам оригинальных исследований, что подтверждает конструктивную валидность русскоязычной версии методики (см. рис. 2).

Дополнительно была построена путевая модель конфирматорного факторного анализа (см. рис. 3). Проверка факторных нагрузок подтвердила, что большинство утверждений тесно связаны со своими шкалами. Однако три пункта выделились более низкими значениями: «По сравнению с теми, кого я знаю, я вкладываю в отношения с моей второй половиной значительно больше усилий/времени/ресурсов» ($\lambda = 0,40$), «Я бы не сильно расстроился(ась), если бы мы расстались/развелись в ближайшем будущем» ($\lambda = 0,29$) и «Допускаю, что в течение года могу начать встречаться с кем-то другим» ($\lambda = 0,41$).

Такое расхождение может объясняться спецификой самих вопросов. Оценка собственных вложений требует от респондента социального сравнения, которое всегда субъективно, а вопросы о возможном расставании или новых партнерах затрагивают социально

чувствительные темы. В этих случаях ответы часто искажаются из-за внутренней цензуры или стремления выглядеть «правильным» партнером, что снижает статистическую согласованность данных пунктов с общим фактором. Тем не менее, это не нарушает общую валидность методики, так как ключевые индикаторы модели сохраняют высокие показатели.

Рис. 2. Эмпирическая модель факторов приверженности в близких отношениях (на основе регрессионного анализа)

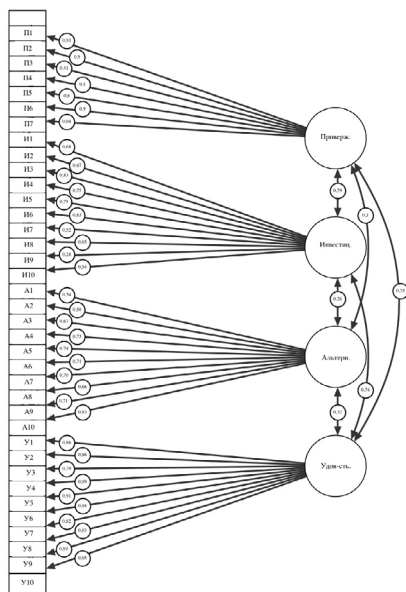

Рис. 3. Путевая модель конфирматорного факторного анализа.

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют о том, что русскоязычная версия шкалы *The Investment Model Scale* (IMS) демонстрирует высокие психометрические характеристики и может рассматриваться как надежный инструмент для оценки ключевых параметров партнерских отношений. Высокий показатель внутренней согласованности (α Кронбаха = 0,947) указывает на однородность пунктов и согласованность измерения заявленных конструкторов, что подтверждает целостность структуры методики после языковой и культурной адаптации.

Факторный анализ воспроизвел четырехфакторную модель, предложенную К. Русбалт, включающую удовлетворенность отношениями, инвестиции, качество альтернатив и приверженность. Высокие коэффициенты надежности по всем шкалам (0,885–0,969) позволяют говорить о содержательной и структурной эквивалентности русскоязычной версии оригинальному инструменту. При этом установлено, что исключение аспектных пунктов (*facet items*) повышает показатели соответствия модели данным. Вероятно, избыточная детализация утверждений увеличивает нерелевантную дисперсию и снижает факторную «чистоту», тогда как использование только глобальных индикаторов обеспечивает более компактную и устойчивую структуру. Таким образом, сокращенная четырехфакторная модель представляется наиболее психометрически оправданной.

Характеристики выборки ($N = 421$) дополнительно подтверждают прикладную релевантность методики. Преобладание респондентов зрелого возраста и значительная доля участников, состоящих в длительных отношениях, позволяют использовать шкалу для изучения устойчивых партнерских союзов, где процессы инвестирования, формирования приверженности и оценки альтернатив приобретают особую значимость. Это расширяет возможности применения инструмента не только в академических исследованиях, но и в консультативной практике.

Отдельного внимания заслуживает адаптация шкалы «качество альтернатив». Уточнение формулировок на этапе когнитивных интервью позволило избежать сужения интерпретации альтернатив исключительно до романтических замен партнера и обеспечить более широкое понимание данного конструктора как совокупности возможных источников эмоциональной и социальной поддержки. Такая модификация повышает культурную чувствительность методики и способствует более точному отражению реального опыта респондентов. В целом, результаты исследования подтверждают надежность, струк-

турную валидность и содержательную адекватность русскоязычной версии *Investment Model Scale*, что позволяет рекомендовать её для использования в исследованиях партнерских и семейных отношений в российском контексте.

Выводы

Проведенное исследование показало, что русскоязычная адаптация шкалы *The Investment Model Scale* обладает удовлетворительными психометрическими характеристиками и может рассматриваться как надежный и валидный инструмент для диагностики параметров близких отношений в российском социокультурном контексте. Высокий уровень внутренней согласованности ($\alpha = 0,947$) свидетельствует об однородности пунктов и согласованности измерения заявленных конструкторов.

Результаты факторного анализа подтвердили воспроизводимость теоретически заданной четырехфакторной структуры, включающей удовлетворенность отношениями, инвестиции, качество альтернатив и приверженность. Полученные данные указывают на структурную и содержательную сопоставимость русскоязычной версии с оригинальной методикой.

Апробация инструмента на выборке с широким возрастным диапазоном (18–66+ лет) и различной продолжительностью отношений продемонстрировала его применимость для изучения партнерских союзов на разных этапах жизненного цикла.

В целом, адаптированная версия шкалы может быть рекомендована для использования в научных исследованиях и в практической психологии при анализе процессов приверженности, инвестирования и устойчивости романтических и семейных отношений. Полученные результаты создают перспективы для расширения исследования инвестиционной модели приверженности. В первую очередь целесообразно провести диадный анализ, позволяющий оценить согласованность восприятия компонентов модели партнерами и выявить межличностные эффекты. Также перспективным направлением представляется проверка измерения инвариантности шкалы по полу, возрасту и длительности отношений, а также её апробация в клинических выборках и на этапах активных кризисов в партнерстве.

Ограничения

Несмотря на значимые психометрические показатели, данное исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учи-

тывать при интерпретации результатов. Во-первых, использование онлайн-платформы для сбора данных и преобладание в выборке женщин (66%) могут создавать определенное смещение, сужая возможность прямой экстраполяции данных на всю популяцию без дополнительной проверки. Во-вторых, опора на метод самоотчета повышает риск влияния социальной желательности, особенно в вопросах оценки альтернатив и приверженности, где респонденты могут подсознательно следовать культурным нормам «верности». Также важным ограничением является отсутствие диадных данных, так как в анализе учитывалось мнение только одного из партнеров, что оставляет за рамками исследования межличностные эффекты взаимодействия внутри пары.

Литература

- Андреева, Т.В. Семейная психология: учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
- Бараш, Р.Э. Российская семья в эпоху перемен: брачные и репродуктивные установки граждан // Россия реформирующаяся: ежегодник, выпуск 23. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. С. 320–356. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2025.11>
- Лежнина, Ю.П. Трансформация гендерных ролей в современной России // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 165–176.
- Петрова, Т.Э., Жираткова, Ж.В., Ковальчук, А.Г. Социальный институт семьи и брака в сознании современной молодежи в России // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 1. С. 22–32. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2025-8-1-22-32>
- Agnew, C.R., Van Lange, P.A.M., Rusbult, C.E., Langston, C.A. Cognitive interdependence: Commitment and the mental representation of close relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74. No. 4. P. 939–954. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.4.939>
- Arriaga, X.B., Agnew, C.R. Being committed: affective, cognitive, and conative components of relationship commitment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol. 27. No. 9. P. 1190–1203. <https://doi.org/10.1177/0146167201279011>
- Auger, E., Menzies-Toman, D., Lydon, J.E. Daily experiences and relationship well-being: the paradoxical effects of relationship identification // *Journal of Personality*. 2017. Vol. 85. No. 5. P. 741–752. <https://doi.org/10.1111/jopy.12275>
- Avilés, T.G., Burriss, R.P., Weidmann, R. et al. Committing to a romantic partner: does attractiveness matter? A dyadic approach // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 176. P. 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110765>

- Beauparlant, E.T., Machia, L.V., Oh, J. Committed to staying single: adapting the investment model of commitment processes to study singlehood // *Personal Relationships*. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 132–155. <https://doi.org/10.1111/pere.12524>
- Becker, H.S. Notes on the concept of commitment // *American Journal of Sociology*. 1960. Vol. 66. No. 1. P. 32–42. <https://doi.org/10.1086/222820>
- Blau, P.M. *Exchange and power in social life*. New York, NY: Wiley, 1967.
- Brickman, P., Dunkel-Schetter, C., Abbey, A. The development of commitment / In P. Brickman (Ed.), *Commitment, conflict, and caring*. New York, NY: Random House, 1987. P. 145–221.
- Brozowski, A., Connor-Kuntz, H., Lewis, S. et al. A test of the investment model among asexual individuals: The moderating role of attachment orientation // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article 912978. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.912978>
- Cherlin, A.J. The deinstitutionalization of American marriage // *Journal of Marriage and Family*. 2004. Vol. 66. No. 4. P. 848–861. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00058.x>.
- Dion, K.K., Dion, K.L. Culture and relationships: The downside of self-contained individualism / In R.M. Sorrentino, D. Cohen, J.M. Olson, M.P. Zanna (Eds.), *Cultural and social behavior: The Ontario Symposium*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005. Vol. 10. P. 77–94.
- Edge, J., Vonk, J., Welling, L.L.M. Asexuality and relationship investment: Visible differences in relationship investment for an invisible minority // *Psychology and Sexuality*. 2022. Vol. 13. No. 5. P. 1256–1269. <https://doi.org/10.1080/19419899.2021.2013303>
- Girme, Y.U., Park, Y., MacDonald, G. Coping or thriving? Reviewing intrapersonal, interpersonal, and societal factors associated with well-being in singlehood from a within-group perspective // *Perspectives on Psychological Science*. 2022. Vol. 18. No. 5. P. 1097–1120. <https://doi.org/10.1177/17456916221136119>
- Kelley, H.H. Love and commitment / In H.H. Kelley, E. Berscheid, A. Christensen, J.H. Harvey, T.L. Huston, G. Levinger, E. McClintock, L.A. Peplau, D.R. Peterson (Eds.), *Close Relationships*. New York, NY: W.H. Freeman, 1983. P. 265–314.
- Levinger, G. Marital cohesiveness and dissolution: An integrative review // *Journal of Marriage and the Family*. 1965. Vol. 27. No. 1. P. 19–28. <https://doi.org/10.2307/349801>
- Ma, L., Hatch, H.A., Clark, E.M. The investment model of commitment: examining asexual and aromantic populations using confirmatory and exploratory factor analysis // *Psychology & Sexuality*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 38–53. <https://doi.org/10.1080/19419899.2023.2236624>

- Ma-Kellams, C., Wang, M. C., Cardiel, H. Attractiveness and relationship longevity: beauty is not what it is cracked up to be // *Personal Relationships*. 2017. Vol. 24. No. 1. P. 146–161. <https://doi.org/10.1111/pere.12173>
- McNulty, J.K., Neff, L.A., Karney, B.R. Beyond initial attraction: physical attractiveness in newlywed marriage // *Journal of Family Psychology*. 2008. Vol. 22. No. 1. P. 135–143. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.22.1.135>
- Murray, S.L., Holmes, J.G., Griffin, D.W., Derrick, J.L. The equilibrium model of relationship maintenance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 108. No. 1. P. 93–113. <https://doi.org/10.1037/pspi0000004>
- Rubin, J.Z., Brockner, J., Small-Weil, S., Nathanson, S. Factors affecting entry into psychological traps // *Journal of Conflict Resolution*. 1980. Vol. 24. No. 3. P. 405–426. <https://doi.org/10.1177/002200278002400302>
- Rusbult, C.E. Commitment and satisfaction in romantic associations: a test of the investment model // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1980. Vol. 16. No. 2. P. 172–186. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(80\)90007-4](https://doi.org/10.1016/0022-1031(80)90007-4)
- Rusbult, C.E., Martz, J.M., Agnew, C.R. The Investment Model Scale: Measuring commitment level, satisfaction level, quality of alternatives, and investment size // *Personal Relationships*. 1998. Vol. 5. No. 4. P. 357–391. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.1998.tb00177.x>
- Thibaut, J.W., Kelley, H.H. *The social psychology of groups*. New York, NY: Wiley, 1959.
- Tran, P., Judge, M., Kashima, Y. Commitment in relationships: an updated meta-analysis of the investment model // *Personal Relationships*. 2019. Vol. 26. No. 1. P. 158–180. <https://doi.org/10.1111/pere.12268>

Сведения об авторе

Маргарита А. Сапожникова, аспирант, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; Sapozhnikova.M.A@hse.ru

Sapozhnikova M.A.
Adaptation and Psychometric Validation
of the Russian Version
of the Investment Model Scale of Caryl Rusbult

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Russian psychology lacks validated instruments for the comprehensive assessment of commitment in romantic relationships. Existing measures primarily focus on relationship satisfaction while overlooking key determinants of relationship sta-

bility, such as accumulated investments and the perceived quality of alternatives, as conceptualized in Caryl Rusbult's Investment Model.

The objective was to adapt and psychometrically validate the Russian-language version of the Investment Model Scale (IMS).

The study involved 421 participants aged 18–66 years and older who were in romantic relationships of various forms (marriage, cohabitation, etc.) and durations. The adaptation procedure included forward and backward translation followed by cognitive interviews. Psychometric analyses were conducted using Cronbach's alpha, confirmatory factor analysis (CFA), and multiple linear regression.

CFA supported the theorized four-factor structure of the scale (satisfaction, investments, quality of alternatives, and commitment). The best model fit was demonstrated by the version using global items (CFI = 0.913; TLI = 0.901; SRMR = 0.068). The subscales showed high internal consistency ($\alpha = 0.885\text{--}0.969$). Predictive validity was confirmed by the model's ability to explain 55% of the variance in commitment ($R^2 = 0.55$). Cognitive interviews refined the interpretation of the "quality of alternatives" construct in the Russian sociocultural context.

The adapted Russian version of the Investment Model Scale is a reliable and valid instrument suitable for both academic research and family counselling practice. The findings provide a solid framework for studying relationship stability and predicting relationship outcomes in Russia.

Key words: investment model, commitment, relationship satisfaction, relationship investments, quality of alternatives, psychometric adaptation

For citation: Sapozhnikova, M.A. (2026). Adaptation and psychometric validation of the russian version of the investment model scale of caryl rusbult. *New Psychological Research*, No. 3, 115–134. DOI: 10.51217/npsyresearch_2026_06_03_06

References

- Agnew, C.R., Van Lange, P.A.M., Rusbult, C.E., Langston, C.A. (1998). Cognitive interdependence: Commitment and the mental representation of close relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(4), 939–954. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.4.939>
- Andreeva, T.V. (2004). *Family psychology: Textbook*. St. Petersburg: Rech.
- Arriaga, X.B., Agnew, C.R. (2001). Being committed: Affective, cognitive, and conative components of relationship commitment. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27(9), 1190–1203. <https://doi.org/10.1177/0146167201279011>
- Auger, E., Menzies-Toman, D., Lydon, J.E. (2017). Daily experiences and relationship well-being: The paradoxical effects of relationship identification. *Journal of Personality*, 85(5), 741–752. <https://doi.org/10.1111/jopy.12275>
- Avilés, T.G., Burriss, R.P., Weidmann, R., Bühler, J.L., Wünsche, J., Grob, A. (2021). Committing to a romantic partner: Does attractiveness matter? A dyadic approach. *Personality and Individual Differences*, 176, 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110765>

- Barash, R.E. (2025). The Russian family in an era of change: Marital and reproductive attitudes of citizens. In *Russia in reform: Yearbook* (Issue 23, pp. 320–356). <https://doi.org/10.19181/ezheg.2025.11>
- Beauparlant, E.T., Machia, L.V., Oh, J. (2023). Committed to staying single: Adapting the investment model of commitment processes to study singlehood. *Personal Relationships*, 31(1), 132–155. <https://doi.org/10.1111/pere.12524>
- Becker, H.S. (1960). Notes on the concept of commitment. *American Journal of Sociology*, 66(1), 32–42. <https://doi.org/10.1086/222820>
- Blau, P.M. (1967). *Exchange and power in social life*. New York, NY: Wiley.
- Brickman, P., Dunkel-Schetter, C., Abbey, A. (1987). The development of commitment. In P. Brickman (Ed.), *Commitment, conflict, and caring* (pp. 145–221). New York, NY: Prentice-Hall.
- Brozowski, A., Connor-Kuntz, H., Lewis, S., Sinha, S., Oh, J., Weidmann, R., Weaver, J. R., Chopik, W.J. (2022). A test of the investment model among asexual individuals: The moderating role of attachment orientation. *Frontiers in Psychology*, 13, 912978. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.912978>
- Cherlin, A.J. (2004). The deinstitutionalization of American marriage. *Journal of Marriage and Family*, 66(4), 848–861. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00058.x>
- Dion, K.K., Dion, K.L. (2005). Culture and relationships: The downside of self-contained individualism. In R.M. Sorrentino, D. Cohen, J.M. Olson, M.P. Zanna (Eds.), *Culture and social behavior: The Ontario Symposium* (Vol. 10, pp. 77–94). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Edge, J., Vonk, J., Welling, L.L.M. (2022). Asexuality and relationship investment: Visible differences in relationship investment for an invisible minority. *Psychology and Sexuality*, 13(5), 1256–1269. <https://doi.org/10.1080/19419899.2021.2013303>
- Girme, Y.U., Park, Y., MacDonald, G. (2022). Coping or thriving? Reviewing intrapersonal, interpersonal, and societal factors associated with well-being in singlehood from a within-group perspective. *Perspectives on Psychological Science*, 18(5), 1097–1120. <https://doi.org/10.1177/17456916221136119>
- Kelley, H.H. (1983). Love and commitment. In H.H. Kelley, E. Berscheid, A. Christensen, J.H. Harvey, T.L. Huston, G. Levinger, E. McClintock, L.A. Peplau, D.R. Peterson (Eds.), *Close Relationships* (pp. 265–314). New York, NY: W.H. Freeman.
- Levinger, G. (1965). Marital cohesiveness and dissolution: An integrative review. *Journal of Marriage and the Family*, 27(1), 19–28. <https://doi.org/10.2307/349801>
- Lezhnina, Yu.P. (2013). Transformation of gender roles in modern Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, (4), 165–176.
- Ma, L., Hatch, H.A., Clark, E.M. (2024). The investment model of commitment: Examining asexual and aromantic populations using confirmatory and explor-

- atory factor analysis. *Psychology & Sexuality*, 15(1), 38–53. <https://doi.org/10.1080/19419899.2023.2236624>
- Ma-Kellams, C., Wang, M.C., Cardiel, H. (2017). Attractiveness and relationship longevity: Beauty is not what it is cracked up to be. *Personal Relationships*, 24(1), 146–161. <https://doi.org/10.1111/per.12173>
- McNulty, J.K., Neff, L.A., Karney, B.R. (2008). Beyond initial attraction: Physical attractiveness in newlywed marriage. *Journal of Family Psychology*, 22(1), 135–143. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.22.1.135>
- Murray, S.L., Holmes, J.G., Griffin, D.W., Derrick, J.L. (2015). The equilibrium model of relationship maintenance. *Journal of Personality and Social Psychology*, 108(1), 93–113. <https://doi.org/10.1037/pspi0000004>
- Petrova, T.E., Zhiratkova, Zh.V., Kovalchuk, A.G. (2025). Social institution of family and marriage in the minds of modern youth in Russia. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 8(1), 22–32. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2025-8-1-22-32>
- Rubin, J.Z., Brockner, J., Small-Weil, S., Nathanson, S. (1980). Factors affecting entry into psychological traps. *Journal of Conflict Resolution*, 24(3), 405–426. <https://doi.org/10.1177/002200278002400302>
- Rusbult, C.E. (1980). Commitment and satisfaction in romantic associations: A test of the investment model. *Journal of Experimental Social Psychology*, 16(2), 172–186. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(80\)90007-4](https://doi.org/10.1016/0022-1031(80)90007-4)
- Rusbult, C.E., Martz, J.M., Agnew, C.R. (1998). The Investment Model Scale: Measuring commitment level, satisfaction level, quality of alternatives, and investment size. *Personal Relationships*, 5(4), 357–391. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.1998.tb00177.x>
- Thibaut, J.W., Kelley, H.H. (1959). *The social psychology of groups*. New York, NY: Wiley.
- Tran, P., Judge, M., Kashima, Y. (2019). Commitment in relationships: An updated meta-analysis of the Investment Model. *Personal Relationships*, 26(1), 158–180. <https://doi.org/10.1111/per.12268>

Information about the author

Margarita A. Sapozhnikova, PhD student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000; Sapozhnikova.M.A@hse.ru